

УДК: 314.15(=161.1)(497.11)»19»
316.72(=161.1)(497.11)»19»
DOI: https://doi.org/10.18485/srpske_studije.2022.13.9
Рад примљен: 3. мај 2022.
Рад прихваћен: 17. мај 2022.

Др Виктор И. Косик
Ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Москва
kosikvictor@mail.ru

БЕЛГРАД ПО-РУССКИ – НЕКАТОРИЯ ВОСПОМИНАНИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Аннотация: Белград представлял собою своеобразное ядро русской эмиграции. Здесь были, жили, творили самые разные люди по профессии, положению, образованию, судьбам. Можно сказать, что русский Белград представлял собою своеобразный сколок Петербурга. Примерно более двух десятков улиц носили русские имена, потом к ним прибавились и советские. Актуальность темы обусловлена непрекращающимися исследованиями в этой сфере. В настоящей студии поставлена тема освещения русской жизни после „бега“ на территории Сербии. Наряду с картинами жизни вдали от родной земли представлена обрисовка искусства – театр, живопись, балет, опера – где творили русские мастера.

Ключевые слова: Белград, Королевство сербов, хорватов и словенцев, русские беженцы, эмиграция, Сербия, драма, опера, балет, Россия, искусство.

Судя по архивным документам, в начале 1920-х гг. в Королевстве сербов, хорватов и словенцев насчитывалось примерно 300 колоний русских беженцев. Больше всего русских было размещено в Сербии – около 200 колоний, из них свыше половины в Банате и Бачке.¹ По данным профессора

* Добротом аутора Редакцији *Српских студија* уступљен је део рукописа књиге у настанку нашег драгог и поштованог пријатеља и колеге, историчара Виктора Косика, под називом *Русская эмиграция в Сербии – XX–XXI вв.*, која је у међувремену објављена. Верујемо да ће штампање делића текста «БЕЛГРАД ПО-РУССКИ» побудити читалачку публику да прочита ово ванредно вредно и занимљиво штиво.

Иванцова в 1921 г. в Белграде было русских 5–7 тысяч. По переписи 1929 г. в Белграде жило русских 8.374, из них 5.064 мужчины, женщины – 3.310 (в 1921 г. всего русских в Югославии насчитывалось 28.895, из них до 15 лет – 3.267, от 15 до 59 – 24.885, от 60 и старше – 742).²

А какова была сама столица, задамся вопросом? Одна из записей беженца С. А. Кисловского “рисовала” обычную картину сербского города эмигрантского времени: “... в двадцатых годах в городе жило около 200 тыс. человек. Состоял он преимущественно из одноэтажных домов. Многоэтажных было очень мало, их можно было перечесть по пальцам <...> Улицы, за исключением главной, которая была вымощена торцами, были покрыты булыжником – так называемой “турской калдрмой”. В то время по улицам уже ходили трамваи, но линий было мало <...> От центра в разные стороны тянулись грязные, типичные ориентальные улицы – кварталы, носившие старые названия: Скадарлия, Палилула, Дорчол, Губеревац, Савский Венац, Душановац ит.д. Эти кварталы состояли из маленьких, облупленных серых домиков с грязными дворами, загроможденными сарайчиками, уборными. Канализации небыло – помой выливали прямо на мостовую. Клозеты находились вне домов, во дворах. По ночам ездил ассенизационный обоз, распространяя во все стороны ужасное зловоние. <...> Интересна была Балканская улица <...> на ней находилось несколько десятков маленьких лавочек-сарайчиков ремесленников, старьевщиков, антикваров. Такой же улицей была и улица Короля Александра. На ней тоже находились сотни маленьких лавчонок, где жида, македонцы продавали старые поношенные вещи и другую рухлядь. На Александровской улице находились и многочисленные трактиры-кафаны, народные кухни <...> Трамвайной линии на Александровской улице в то время не было, а была невылазная грязь, которая осенью медленно со смедеревской стороны ползла в Белград.

На территории трех городов: Белграда, Земуна и Панчева – на этом треугольнике осело около 30 тыс. русских беженцев – половина русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев”.³ Эта цифра относится, скорее всего к времени их приезда, но не обживания.

Несколько по-иному представлял Белград в глазах парижской эмиграции, точнее, европейской “Белград — что-то вроде большой деревни, с

1 Архив внешней политики Российской империи (=АВПРИ), Ф. Российская миссия в Белграде, Оп. 508/3. Д. 95. Л. 11–22.

2 А. А. Солонский, *Демография русской эмиграции в Белграде*, Записки РНИ 10 (1935), 43.

3 *Из воспоминаний агронома-селекционера Института агрономических исследований в г. Нови Саде С. А. Кисловского*, Москва – Сербия; Белград – Россия. Сборник документов и материалов, Том 4, Русско-сербские отношения 1917–1945 гг. Авт.-сост.: А. Тимофеев, Г. Милорадович, А. М. Силкин, Белград, 2017, 136–137.

турецкой еще грязью, с ленивым бытом (когда не стреляют), со специфическим национализмом. Естественный приют для монархистов, главное гнездо русских эмигрантов этого толка. Туда они стеклись и там, в родственной атмосфере монархической Сербии, — расцветают <...> При самом начале уже считалось, что сербская эмиграция — преимущественно *"правого"* оттенка. Вероятно, потому, что, при движении с юга, в Сербию попала большая часть эвакуированной белой армии. Много *"белогвардейцев"* лишь протекло через Сербию, много и осталось. Кто, однако, *"белогвардейцы"*? Пора бы знать, что это просто русские люди, очень много пережившие и в подавляющем большинстве — *"правые"* только номинально.⁴

Теперь иная картина, другой акцент.

В своих воспоминаниях русский парижанин Н. Рощин записывал: "Ах, какие яркие, чудные то были дни, писал внезапно и волшебю вернувшейся юности!"

Чистое, робко-голубое небо, запах оттаявшей земли, первые почки, весеннее молодое солнце!.. А позади тифозные теплушки, штабели замерзших трупов, горный грохот повстанческой стрельбы, красные полчища и смутная тоска...

Вот мы и тут. Но какой же это запад, когда город называется Београд – Белый Город, и главное здание на главной его площади, высокий и кораблеобразный дом с башенками и шпилями называется *"Москва"*, и король – в прошлом русский школьник? И по вывескам русские буквы, но слагают они слова непривычные глазу, как из Киева во времена гетманщины, только без той кокетливо-самодовольной наглости.

Освоились скоро. В самом деле, что за трудности, когда нож по-сербски называется – нож, вилка – вилюшка, человек – човек, женщина – жено? Стоит только настроить язык на школьный церковнославянский лад, и все пойдет, как по маслу. А сколько кругом русского! Хотя бы вот те же самые вывески над темноватыми входами *"кафан"*, где дремлет в высоких бочках густое, крепкое вино. Каждое торговое предприятие имеет свой покровительственно-именной девиз. Вот *"код генерала Скобелева"*, вот *"код белог Цара"*, вот *"код веселог руса"*, и сам я видел вывеску в маленьком городке *"код Петра Степановича, киевского помещика"*.

А там и пошло. Эшелон за эшелон – десять, двадцать, тридцать тысяч русских, прожженных огнем Гражданской войны. И вот уже свои газеты, комитеты, канцелярии и, конечно, бесконечное множество *"Рюриков"*, *"Варягов"* и *"Асторий"* с русскими балалаечниками с самоваром на стойке, с ленивыми варениками и сибирскими пельменями. И за бумажки, еще вчера

4 З. Гиппиус, *Публицистка, критика, статьи. Письмо о Югославии*, <https://gippius.com/doc/articles/pismo-o-jugoslavii.html>

ничего не стоившие, летевшие по ветру, устилавшие пароходную палубу, сегодня дают полновесные, полные динары (за 1000 денкинских рублей и др. ассигнаций давали раз в месяц 800 динаров, вполне приличная сумма, равная почти месячной зарплате. Правда, потом, сумма размена снизилась. – В. К.), и после миллионов за взятую с боя котлету из собачьего мяса, за ржавую селедку, коробку спичек – витрины, ломившиеся от всяческого давно забытого добра, и мирный добрый басок: “Пожалуйте, братушкам скидка, а нет – и в долг поверим!..”»⁵

Очень романтично, не правда ли? Но “горек хлеб чужбины и тяжелы ступени чужих лестниц”, могли сказать многие.

Для некоторых забывался подвиг России, положившей жизнь своих сынов и дочерей ради братской Сербии. Были трудности с приемом русских беженцев, особенно “серой шинели”, уезжавшей потом из Сербии в Латинскую Америку. Известны случаи притеснения, унижительного отношения, неравноправия, враждебности, деления на “своих” и русских, вплоть до свирепой полицейской расправы. Да и сами русские давали почву для “не братского” отношения. Здесь и занятие “выгодных мест” при устройстве на работу, требующую определенной квалификации, которой, бывало, не обладали представители местного населения. Тут и само отношение к России – царской и коммунистической. В первом случае – русские для многих выступали братьями. Во втором, особенно с приближением предвоенного времени и самой войны, Россия коммунистическая становилась им ближе, нежели самодержавная “матушка” России с “нашествием” в их страну дворян и другого “социальночуждого элемента”. Королевство Югославия (до 1929 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев, аббревиатура – СХС) было последней страной в Европе, которое признало СССР только в июне 1940 г.

И в то же время, писал один из современников: “Годы беженства выработали особый тип “руса”. Это человек – который ни от чего не отказывается, все знает, все умеет, – для него не существует замысловатого задания, перед которым он бы остановился. Он энергичен и заполняет собою все: он сидит в канцеляриях министерства, держит руль такси, поет в хоре, танцует в балете, играет на балалайке, продает газеты, хлопочет по делам, – нет профессии и занятия, где не было бы “руса” <...> Говорит он в большинстве своем, до сих пор на ужасном диалекте, смешивая русские слова с сербскими. Но это и не так важно. За эти годы сербское ухо привыкло к русскому языку”.⁶

5 Н. Рошин, *Русские в Югославии. По чужим краям*, Иллюстрированная Россия, 9. апреля 1932, 12.

6 Н. Рыбинский, *Белград*, Иллюстрированная Россия, 9 апреля 1932, 14.

Есть еще одна зарисовка Белграда от Бориса Зайцева: “Белград “возрастающий” город. В жизни его есть напор, порыв, оживление молодости послевоенной. Он строится, кипит. В нем немало дельцов <...> Во что вырастет он? Будем надеяться, в живую просвещенную столицу народа, выходящего к новым и обширным судьбам”.⁷ И в этом процессе заметную роль сыграли русские люди.

Кстати, на эту тематику, написано и исследуется много. Именно память обуславливает самый разнообразный поиск. Например, адреса русского Белграда. В это направление вносит свой вклад известная своими исследованиям Мария Анатольевна Васильева (Дом Русского зарубежья, что на Таганке).

Интеллектуалы, спорщики, празднующие могли посещать по воскресеньям и четвергам разнообразные лекции, начинавшиеся по вечерам в Русском народном университете. Назову несколько лекций. В начале февраля 1926 г. инженер В.М. Михайловский читал лекцию о “новых взглядах на проблему формирования жизни в космосе”.⁸ 20 января 1929 г. педагог И. М. Малинин выступал на “захватывающую” тему “Толкование снов”. 24 января П. Н. Ге – “Романтизм в русской живописи”.⁹ 27 января известный всему Белграду Е. В. Спекторский читал лекцию “Трагедия Толстого”. 31 января врач А. А. Солонский, вероятно специально для родительниц — “Четыре кожные детские болезни (скарлатина, корь, краснуха, Dukes Филатова болезнь).¹⁰ Не обошел своим вниманием и один из отцов-основателей евразийства П. Н. Савицкий, знакомивший “политическую публику” с этим явлением, удивительно вобравшем в себя и мессианизм, тривиальность и “литературу”. Офицеры могли пойти в Русское офицерское собрание, открытое 16 июня 1924 г. в специально арендованной квартире. Там были столовая, библиотека, читальня.¹¹

Болящие обращались в русскую амбулаторию Российского Красного Креста с детским отделением. Там работало по всем основным специальностям 14 врачей. Во главе ее стоял известный врач А. А. Бенцелевич. За время ее “жизни” она приняла свыше 200 тысяч больных,¹² разного звания, возраста и состояния. Разумеется, сама цифра свидетельствует о том, что

7 Б. Зайцев, *Письма. Статьи. Воспоминания современников*, Москва, 2001, 313–314.

8 Т. Миленковић, *Руски инжењери у Југославији 1919–1941*, Београд, 1997, 118.

9 *Новое время*, 20 января 1929, 3.

10 *Там же*, 27 января 1929, 3.

11 *Там же*, 6 июля 1924, 3.

12 Н. Рыбинский, *Указ. соч.*, 14.

среди них немало было и самих жителей Сербии. Добавлю, что в Панчево, предместье столицы, находился русский хирургический лазарет на 110 коек, во главе которого стоял талантливый хирург В. А. Левитский.¹³

Любители “высокого досуга” могли вновь почувствовать себя “избранными” на лекциях Н. О. Лосского “Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция”, читаемых осенью 1928 г. в одной из аудиторий университета.¹⁴ Там, вероятно, можно было встретить и старых “мистиков” и обзавестись новыми. Немаловажным обстоятельством было и то, что за “пир” Лосского ничего не надо было платить. Однако не следует полагать, что русские были такими уж “халявщиками”. Они уважали талант, знания и готовы были платить за те же многочисленные концерты, устраиваемые в Белграде разнообразными исполнителями, искусство которых позволяло уйти от “серых буден и забот” в мир музыки, пения, танца, в мир волшебных грез. Искусство очищало душу. А это было главным.

Вариантов было множество. В известном всему Белграду зале “Станкович” 8 октября 1922 г. был концерт Анны Александровны Степовой, создательницы жанра “песни улицы”. Там же они могли услышать певца Е. С. Марьяшеца, оценить талант часто выступавшего в роли конференсье, актера и режиссера Ю. Л. Ракитина, виолончелиста А. И. Слатина.¹⁵ В “Новом времени” от 20 февраля 1923 г. можно было прочесть объявление о большом Русском концерте из произведений М. И. Глинки и П. И. Чайковского с участием обладателей дивных голосов Н. Г. Волевач, Е. И. Поповой, Марьяшеца, музыкантов В. А. Нелидова, И. И. Слатина, Г. М. Юренева.¹⁶

Живая музыка и пение звучали не только на концертах, но и в домах, квартирах, комнатах русских беженцев. В русском кругу за чашкой чая или бутылкой водки пелись самые разные песни. В магазинах можно было купить ноты для пения и рояля на любой вкус. Там были и Виктор Абаза и Александр Вертинский, и Юрий Морфесси, и Иза Кремер.

Но это были, так сказать, характерные музыка и песни для всего русского зарубежья.

Тут же добавлю, что Юрий Спиридонович “Баян русской песни”, как назвал его Федор Шаляпин, бывал достаточно много в Сербии. Там он встретил свою позднюю любовь по имени Валентина, воевавшую в известной Дроздовской бригаде, пулеметчице, автомобильной гонщице, отличной пловчихе. Пел в белградском ресторане “Казбек”. О своей судьбе с ней он

13 Там же, 14.

14 Царский вестник (Белград), 4 ноябрь 1928, 3.

15 Новое время, 5 октябрь 1922, 3.

16 Там же, 20 февраль 1923, 4.

поведал на страницах своей книги “Жизнь, Любовь, Сцена. Воспоминания русского баяна” (Париж, 1931). На первой странице посвящение: “Посвящаю жене – Валентине Васильевне”, бросившей его потом в Париже.

У того же Белграда были и “свои” любимцы, например: в исполнении Любви Орловой песня советского народа – “Широка страна моя родная” (из фильма “Цирк”). Тем, кто не утратил способность посмеяться над “другими”, предлагалось пойти осенью 1924 г. на концерт автора сатиры и политической пародии Петра Карамазова, в репертуар которого входили “Суд над русской интеллигенцией”, “Молитва павших жертвой самосуда” (в октябре его можно было увидеть и услышать в зале “Станкович”).¹⁷

Можно было пойти на известные белградские “субботники”, посмотреть и послушать профессиональных и артистов, и любителей. На одном из них летом 1922 г. выступала известная цыганская певица М. П. Суворина, которая считалась “одной из лучших цыганских певиц после Веры Паниной”. О ней в “Новом времени” писали: “Кроме нее за рубежом – есть только Настя Полякова и Нюра Масальская <...> К ней как нельзя лучше подойдет выражение: “Поет как птица на ветке”. Неожиданные модуляции, удивительные по своей тонкости нюансировки, самые трудные сочетания диссотонов, разрешающихся мелодичным аккордом – всем этим певица владеет в совершенстве”. Аккомпанировали ей на гитарах Сергей Поляков (из знаменитой семьи гитаристов – В. К.) и Е. В. Говоров.¹⁸ Ее настоящая фамилия и имя – Мария Петровна Фе, голос – низкое контральто. Происходила из семьи Массальских, давших плеяду блестящих исполнителей и истолкователей старой цыганской песни.¹⁹

С открытием сцены Русского дома имени императора Николая II (1933 г.) любители искусства зачастили по вечерам в это известное всему русскому Белграду здание в стиле русского ампира с великолепным театрально-концертным залом. Практически, на его сцене выступали все: от начинающих артистов-любителей до профессионалов. В годы войны искусство продолжало отвлекать и увлекать русских. Тогда главной сценической площадкой по-прежнему оставался Русский дом. Так, 21 ноября 1943 г. там прошел вечер музыки, пения и балета с участием певиц Ольги Ольдекоп и Евгении Вальяни, балерины Марии Туляковой-Нелюбовой и ее партнера Сл. Эржена (балет классический и характерные танцы).²⁰

17 Там же, 10 ноябрь 1923, 4; 27 октябрь 1923, 3.

18 Там же, 22 июля 1924, 3.

19 Там же, 15 июня 1927, 4.

20 Русское дело (Белград), 12 декабрь 1943, 4.

В Русском доме можно было и услышать И. Н. Голенищева-Кутузова, выступавшего в 1935 г. с лекцией “Три степени любви в куртуазной поэзии средневековья”, и П. Б. Струве, знакомившего аудиторию с темой “Понятие и проблема закона природы”.²¹

Безработицы, прежде всего, для молодых и сильных в строящейся стране, не было. В Белграде за неделю с 29 августа по 5 сентября 1922 г. на биржу труда обратилось 150 человек, которые тотчас получили места. На начало сентября имелись предложения для 209 рабочих различных специальностей.²²

Этот город давал работу всем, вернее, почти всем; и скрытая безработица, конечно, была. Ее уменьшению и должны были содействовать действовавшие в столице Королевства многочисленные курсы по переподготовке и выпуску нужных стране специалистов, прежде всего низшего и среднего технического звена. Но всеми этими “благами” могли пользоваться, прежде всего, те, кто не перешагнул возрастной рубеж в 35 лет, после чего обучение новой профессии было затруднительным. Скажу, что в 1927 г. через различные курсы прошло около 3 000 русских эмигрантов,²³ получивших неплохой шанс “выбиться в люди”, стать нужным обществу человеком, иметь возможность содержать семью.

Сравнительно неплохо устраивались инженеры. С начала 1921 г. руководители Союза русских инженеров в Королевстве при каждом удобном случае подчеркивали, что среди русских инженеров нет безработных.²⁴ Хотя здесь имелись свои трудности. С 1921 г. в Королевстве действовал закон, по которому запрещалось предоставлять работу иностранцу, если по этой специальности имелись свои кандидаты. В 1925 г. был выработан новый свод инструкций, который, в основном, повторял старые в отношении работы для иностранцев. Но все эти законоположения никогда не были применены к русским. Беженцы из России считались “своими”: не было как бы разницы между жителями Королевства и русскими изгнанниками.²⁵

Тем не менее, не будучи подданными Королевства, они не могли быть приняты на постоянную работу в государственные и общинные структуры. Поэтому инженеры устраивались на контрактной или гонорарной основах, заключая договор, чаще всего на три года, на четко фиксированную сумму. В отличие от своих коллег, уроженцев Королевства, русские специалисты

21 Б. Чурич, *Из жизни русского Белграда*, Белград, 2015, 175.

22 *Новое время*, 8 август 1922, 3.

23 Т. Миленковић, *Указ. соч.*, 117.

24 *Там же*, 91.

25 *Там же*, 93.

не имели инфляционной добавки и дополнительных выплат на членов семьи. Эта служба не входила в рабочий стаж и не засчитывалась при исчислении пенсии. Члены Союза русских инженеров в Королевстве вначале даже получали меньше, нежели сербские коллеги. Лишь в ноябре 1922 г. министерский совет принял решение о том, что все русские инженеры и архитекторы, работающие в министерстве строительства, должны быть уравнены в правах по зарплате.²⁶ В 1924 г. оно было выполнено для большинства инженеров из России.²⁷

Но борьба русских инженеров продолжилась: согласно правительственному постановлению, автоматически вступившему в силу 15 марта 1925 г., все инженеры и архитекторы должны быть членами инженерной палаты (русские не имели своей инженерной палаты и не были членами югославских институций), иметь диплом технического факультета, являться подданными Королевства, иметь три года практики на государственной, общинной или на частной службе, сдать госэкзамен, быть “хорошего поведения”, не судимыми, владеть государственным языком. В случае последовательного применения этих постановлений, почти все русские инженеры не имели бы работы. После запроса Союза правительство в очередной раз заверило, что русские инженеры будут иметь тот же статус, что и граждане Королевства.²⁸

И в дальнейшем власти придерживались подобной практики защиты и покровительства. Лучше всего устраивались инженеры, имевшие частную инженерную практику. Достаточно было иметь соответствующий диплом и три года работы инженером, а также заплатить определенную таксу, чтобы министерство строительства давало ему без хлопот соответствующее разрешение. Вначале таких инженеров было не много, большинство предпочитало работать в государственных организациях или в частном секторе, нежели полагаться только на себя в новой стране. Но с ходом времени, по мере адаптации, таковых становилось больше.

Некоторые из них даже свое свободное время отдавали изобретательству, внедрению нового. Инженер Андрей Васильевич Модрах из Белграда изобрел “автомат для предотвращения столкновения поездов”.²⁹

Иные русские люди, владевшие каким-либо ремеслом, подрабатывали, а то и зарабатывали на жизнь изготовлением игрушек, подносов, вышивками и прочими “мелочами”. В Белграде Земгор (общественная

26 Там же, 93.

27 Там же, 94.

28 Там же, 97.

29 Новое время, 9 декабрь 1928, 1–2.

организация созданная в 1915 г. Союзом земств и Союзом городов для помощи воинам и в снабжении армии. В эмиграции активно помогал своим соотечественникам.) регулярно устраивал в здании университета на ул. Васиной выставку-базар изделий русских беженцев.³⁰

Именно страх оказаться “на грани” заставлял русских работать в самых различных местах. Предоставлю слово известному тогда журналисту, “поэту, издателю и кудеснику” Н. З. Рыбинскому: “В Белграде можно не только свободно обходиться русским языком, но и иметь полную возможность жить в атмосфере “русскости”. Русские врачи всех специальностей, профессора Ф. В. Вербицкий, А. И. Игнатовский, М. Н. Лапинский, Н. В. Краинский и др. Нет государственного учреждения, в котором не служили бы на различных должностях русские.”³¹

Очень много русских сумело найти работу в Военно-географическом институте. К 1929 г. там служило до 85 человек русских.³² Напомню, что строителем здания института был русский военный инженер Х. А. Виноградов.³³ Сравнительно неплохой складывалась ситуация с приисканием службы для русских офицеров, особенно при военном министре Стеване Хаджиче, выпускнике Николаевской Академии генштаба, бывшем начальнике Сербской добровольческой воинской части в России.³⁴

Но всем не бывает одинаково хорошо: не все находили соответствующую работу или должность, отвечавшие их прежним занятиям, способностям, квалификации. Например, Бахарева-Полюшкина Наталья Дмитриевна, внучка Лескова, работавшая в “Петербургском Листке”, имевшая свою киностудию и фабрику, стала заведующей женским общежитием для русских студенток и интеллигентных женщин без службы.³⁵

Другие были настроены решительнее. Так, бывший дипломат, аристократ из ливонских рыцарей, хорошо игравший на виолончели, отказался играть в ресторанном оркестре под предлогом, что тем самым он опозорит своих предков.³⁶

30 Там же, 31 март 1922, 4.

31 *Иллюстрированная Россия*, 9 апреля 1932, 15.

32 *Новое время*, 7 марта 1929, 2.

33 Там же, 1 марта 1929, 3.

34 Библиотека-фонд *Русское зарубежье*, Научный архив, А. В. Васильев, *Воспоминания. Добровольчество*, 89.

35 *Новое время*, 4 марта 1930, 2.

36 А. Ренников, *Первые годы в эмиграции*, Возрождение (Paris) 64 (1957), 86.

И если доктора, инженеры, профессора, в которых нуждалось молодое Королевство СХС, легко получали работу по специальности, то “полковники, чиновники, юристы и т. п.” часто становились “сапожниками, разносчиками газет, мелкими <...> торговцами, лавочниками на базаре”.³⁷ Бывший офицер-капеллевец, внук Льва Толстого, Илья Ильич зарабатывал на жизнь ремеслом сапожника. Бывали и “анекдоты”: известному генералу А. С. Лукомскому один серб по простоте душевной предложил работать у него в ассенизационном обозе. Предложение выгребной ямы было вежливо отклонено. Вскоре генерал уехал в Париж к великому князю Николаю Николаевичу и стал его правой рукой.³⁸ И была жизнь, профессор Белградского университета Ю. Н. Вагнер, вспоминая время эмиграции, писал, что первой работа была связана именно с ассенизацией, когда он сидел на козлах повозки с бочкой нечистот и с “аппетитом” ел свежесдобитый хлеб.³⁹

Трудности с приисканием места “ненужными” специалистами прекрасно описал в довольно злой сатире на своих соотечественников под названием “Хождение по мукам” поэт Николай Яковлевич Агнивцев.

Семи беженских суток, упорно,
Ходил я – болваном последним –
Туда, по тропиночке торной, где, стиснувши зубы, покорно,
Россия стоит по передним!..

1

Тут, на зов, выходят “штучки” –
Ручки в брючки,
Закорючки,
Видом – вески,
Жестом – резки,
Тверды, горды как Ллойд Джорджи!
(Только, эдак, вдвое тверже!)
И любезно говорят:
– “Осади назад!”
После всех рекомендаций,
Аттестаций, регистраций,

37 Г. Н. Пио-Ульский, *Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов*, Белград, 1939, 39–40.

38 А. Ренников, *Указ. соч.*, 85–86.

39 *Из воспоминаний агронома-селекционера Института агрономических исследований в г. Нови Саде С. А. Кисловского*, 137.

Всевозможнейших расписок,
Переписок и подписок,
Раздается вещей глас:
“Нельзя-с!
–Н-да-с! Имеются ресурсы
Исключительно на курсы:
Маникюра,
Педикюра,
Выжиганья,
Вышиванья...”
– “Извините, до свиданья!”

2

– “Здрассте!” – “Здрассте!”
Тут у нас по детской части!
Мы старанья все приложим
И, всем прочим в назиданье. На букварик выдать можем...
– “Извините, до свиданья!”

3

– “Здрассте!” – “Здрассте!”
Тут у нас по земской части
Выдаем на рестораны,
Виноградники, кафаны,
На развод осин и елок...
– “Извините, я филолог!”
Можем выдать, для почину,
Вам на швейную машину...
– “Что ж я буду делать с нею?”
– Устраняя все невзгоды,
Выдаем еще на роды...
“К сожаленью, не умею!”

Мои несчастные colleg'-и
В международном этом беге –
Мы убедились понемногу,
Что нам в беде скорей помогут:

Зулусы, турки, самоеды,
Китайцы, негры, людоеды,
Бахчисарайская орда,
Но свой же русский – никогда!⁴⁰

И, тем не менее, русские не “пропадали” и старались помочь друг другу, хотя “в семье не без урода”.

Бывало, что и сами сербы, особенно в связи с наступившим мировым экономическим кризисом, выставляли эмигрантов некими завоевателями, отнимавшими работу у бедных белградцев. В 1932 г. в газете “*Jugoslovenska politika*” появился ряд материалов талантливого публициста Д. Павичевича, в которых он, намеренно сгущая краски, пытался резко противопоставить роскошь русских – прозябанию югославов. Об этом свидетельствовали такие заголовки статей, как “Русские наслаждаются – наши голодают”, “Русские нас давят”, “Русские взбесились”. Да, были богатые русские, нанимавшие сербов в услужение. Да, бывало, они могли бросаться деньгами. Да, по своим талантам, мастерству, опыту многие русские в различных областях знания, прежде всего, в естественных, пользовались предпочтением у тех же сербов. Но не следует забывать, что само государство, возрождавшееся из руин недавней войны, остро нуждалось в специалистах, в образованных чиновниках. Нужно знать, что “бешенство” после продажи бриллиантов быстро заканчивалось.

Со своей стороны добавлю: мне была рассказана моим другом сербом трагическая история о пожилом русском полковнике, не сумевшем найти работу, продавшем все, что можно, только чтобы прокормиться, но все же умершем от голода, вернее, от безысходности. Были и те, кто кормился подаянием. Встречались и такие, выдававшие себя за известных специалистов, что позволяло легко “зарабатывать” деньги, манипулируя доверчивыми сербами.

И все же русские старались как-то устроиться. Конечно, хорошо было тем, кто уехал из России с капиталом. Например, одним из самых богатых русских слыл москвич Василий К. Исаев, владевший, как и ранее в Москве, ювелирной мастерской в Белграде и виллой в Дубровнике, куда переселился в 1941 г.⁴¹

40 Н. Я. Агнивцев, *Хождение по мукам*, Антология поэзии русского Белграда, сост. О. Джурич, Белград, 2002, 1–3.

41 О. Латинич, Б. Ракочевич, *Эмигранты-москвичи в Белграде*, Московский архив, Вторая половина XIX – начало XX в., Москва, 2000, 632.

Без “капиталов” было труднее. Особенно тяжело было офицерам, осваивавшим нередко новое ремесло, и хорошо, если оно не связано с ношением швейцарской ливреи, а со слесарным делом. И шли в “мастера по металлу”.

В столичной рекламе можно было прочесть: “Галлиполийская мастерская Белградского отделения общества галлиполийцев выполняет следующие работы

1. СЛЕСАРНЫЕ: Изготовление и ремонт слесарных и легкокузнечных изделий (железных кроватей, умывальников, замков, ключей, ножей, ножниц и проч.)

2. СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЧИНОК “ПРИМУСОВ” всех систем.

3. ЖЕСТЯНЫЕ: Приготовление жестяной посуды, ремонт жестяной эмалированной и медной посуды (чайники, ведра, кофейники, миски, тазы, кастрюли, самовары).

4. ПОЛУДА МЕДНОЙ ПОСУДЫ.

5. ЛИТЕЙНЫЕ: Прием заказов на изготовление военных заказов (полковых, училищных, вензелей, трафаретов и проч. и выпуск таковых, Георгиевские кресты 1–4 степеней, знаки Кубанского похода, знак Бредовского похода, Знак Дроздовского похода, Знак Екатеринославского похода, Знак Николаевского кавалерийского училища, розетки гусарские, знаки саперные, кокарды офицерские и гражданские, звезды на погонах, Образ Спасителя (шейный), пуговицы русские с орлами, ленты шелковые, георгиевские и национальные”.⁴²

Отличительные черты красной Москвы первых лет – удостоверения и семечки, а монархического русского Белграда, города “вождей” – знаки и прочие отличия. Грустно замечу, что “связь” с Россией шла и через ордена, кресты, медали, гусарские ментики и кокарды... В то же время все это одним помогало держать себя, не опускаться, чувствовать себя еще способным пойти освободить Родину от “красной нечисти”. Для других это было уже бутафорией, “мусором”, памятью “в дальнем ящике буфета”. Добавлю, что большая часть русской эмиграции, по наблюдению одного из современников, была “февралистами”,⁴³ сторонниками первой революции.

Определенная неспособность многих эмигрантов к новым условиям жизни, объяснялась не только чисто объективными, но и субъективными причинами. Прежде всего, это извечные “авось” да “небось”, откуда, в частности, проистекало нежелание учить язык. Для многих свою роль играли возраст, ломка привычного уклада жизни.

42 *Вестник правления общества галлиполийцев* (Белград), 27 апреля 1924, 16.

43 А. Б. Арсеньев, М. Л. Ордовский-Танаевский, *Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944)*, Кн. 2, Белград, 2018, 490.

В письме русского дипломата В. Н. Шtrandмана от 1 сентября 1936 г. принцу-регенту Павлу говорилось: “Министерство внутренних дел, за весьма редкими исключениями, отказывается принимать эмигрантов в югославское подданство, что лишает их права искать заработок даже на иностранных предприятиях, которым предлагается оказывать строгое предпочтение национальным рабочим <...> Уже сейчас имеются весьма тяжелые случаи, например, отказ принимать на работу русских только потому, что они русские <...> Число погибающих русских, умирающих вследствие острого недоедания, с каждым днем увеличивается, а зачастую имеются случаи, когда люди доходят до полного отчаяния”.⁴⁴

Безусловно, в этих строках было намеренное обострение ситуации, а может нет? Но здесь не надо забывать, что король Александр был уже в могиле, а в самой Сербии подросло послевоенное поколение, требовавшее своего “места под солнцем”. Русские, оставившие свою “богатую родину”, стали мешать. В Белграде “забыли”, что из денег, полученных при отъезде из России от Николая II на помощь разоренной Сербии, Н. Пашич передал 800 000 динаров в управление фондов, а в письме на имя председателя Скупщины выразил свое посмертное желание, чтобы на эти деньги был сооружен памятник “Русскому царю Николаю II”.⁴⁵ (Он был воздвигнут в связи с годовщиной войны только в 2014 г.)

“В 1936–1937 гг. сербское государственное радио занималось тем, что издевалось над русской нацией и, перейдя все границы приличия, выставило русского мужчину идиотом под именем “Сережи”, а русскую женщину – падшей, под именем “Ниночки”. Одновременно же с этим в сербскую народную массу бросали по радио <...> ложь, что русские позанимали места в министерствах, что они сидят паразитами на шее сербов <...> Травля национальной русской эмиграции выгодна была и для просоветских элементов. Все мы знаем, что “в семье не без урода” <...> но это <...> не дает никому права из-за таких уродов клеймить всю нацию”. Только в феврале 1937 г. ряд русских и сербских деятелей посетили директора “Радио А. Д.” генерала Калафатовича и заявили следующее: “На всем свете нет ни одного радио, которое бы так возмутительно дискредитировало русскую эмиграцию, кроме <...> Белграда и Москвы. Мы, сербы, в своем же доме позволяем себе оскорблять русских, – тех русских, которые в европейскую войну защищали Белград и погибли на Салоникском фронте <...> Но не говоря уже о мертвых, просто недостойно для сербов оскорблять тех братьев-русских, которые

44 *Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. Сборник документов, Кн. 1, 1934–1937, Москва, 1998, 410.*

45 *Новое время, 19 декабря 1926, 2–3.*

теперь в беде, потеряв свою родину, мучаются и страдают по всему свету... Есть две нации без отечества: это – русские и евреи. Однако, почему-то нападают только на русских”.⁴⁶

Протест был принят, и травля прекращена. Все эти прискорбные факты все же не должны очернять историю взаимоотношений русского и сербского народов: грязные пятна лишь оттеняют белизну стен крепости русско-сербской дружбы. Позволю себе три примера. Первый: в 1920 г. “Сербское общество в Белграде приготовило русским для разговенья стол на 800 человек, одни кварталы несли гусей, другие яйца, куличи и т.д.”⁴⁷

Второй: в 1928 г. на основе соглашения МИД и министерства просвещения с президиумом Госкомиссии по делам русских беженцев был создан Русский культурный комитет (РКК), куда, в частности, вошли представители правительства и научного мира. На первом его заседании было принято решение о том, что РКК сформирует Русскую публичную библиотеку, Русский литературно-художественный журнал, Русское книгоиздательство, Русский научный институт (РНИ), художественные студии – музыки, живописи, театра. Для реализации программы РКК председателем был избран видный ученый, русофил Александр Белич.

Третий: упомяну здесь имя серба, простого, без претензий, русофила Милана Ненадича, связавшего себя с Россией еще по службе в Санкт-Петербурге. В 1921 г. он всю свою энергию употребил на организацию для русской студенческой молодежи трех общежитий на 218 человек. Не менее успешной была его деятельность по устройству дома для престарелых, живших на небольшие пособия в 200–300 динаров от властей. Для помощи им он организовал особый сербский комитет, председателем которого стал промышленник Джордже Вайферт, масон.⁴⁸ Добавлю, что имя Вайферта и сейчас можно увидеть вновь на рекламе, связанной с производством пива.

Помощь русским оказывалась от рождения до организации последних проводов.

И не только. По всей территории королевства, в том числе и в Сербии, воздвигалисьobelisks русским спасителям Сербии в годы первой мировой войны (в основном, русскими организациями, как Союзом русских офицеров в Вршце и средствами колонии этого провинциального городка).⁴⁹ В

46 Вл. Маевский, *Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии*, Нью-Йорк, 1966, 70–72.

47 Д. В. Скрынченко, *Обрывки из моего дневника*, Москва, 2012, 15.

48 *Россия и славянство*, 29 январь 1933, 2.

49 М. Живановић, *И крст и петокрака. Руски гробни комплекси у Југославији у 20. веку*, Београд, 2020, 256.

Нови-Саде за государственный счет на Успенском кладбище был похоронен генерал-лейтенант А. Н. Розеншильд фон Паулин.⁵⁰

Дальше было сложнее, если вопрос стоял о памятниках тем, кто погиб в рядах Русского охранного корпуса. Так, на Новом кладбище в Белграде новыми властями были перекопаны места последнего упокоения “белых воинов”.⁵¹

Свободное время можно было потратить и на театр, на ресторан, на просиживание в кафане и, конечно, на кино, одно из самых доступных развлечений, позволяющих забыть о камерке, в которой живешь, о дураке начальнике, злой хозяйке, о безнадежности бедности.

Так, 1 февраля 1923 г. можно было купить билет в зал синема “Париж” на “русскую кинофильму” “Умирала цветущая роза”.⁵² А 14 апреля в биоскопе (кинотеатр) “Коларац” сходить на “великолепную русскую драму из кавказской жизни в 5 частях “Гость с неба” в главных ролях Карабанова и Гайдаров”.⁵³ Правда, после какого-либо фильма из старого времени было тяжело “возвращаться” в день сегодняшний.

В стихотворении Андрея Владимировича Балашева “На чужбине” эта тоска писала строки:

Еще один ненужный день
Навек исчез во тьме былого,
Гляжу с тоской в ночную тень,
Клянущу тщету пережитого.

Но завтра снова день и ночь,
И жажда русского Мессии, –
Как тяжко рваться и не мочь
Помочь истерзанной России!⁵⁴

А пока свою боль и гордость, вину и радость молодежь отливала в стихи. В 1925 г. выпущен сборник молодых поэтов “Белый стан” – Альбин Комаровский, В. Григорович, А. Ва-ев, Петр Евграфов, Анатолий Балашев, Николай Чухнов. Все посвящено России.⁵⁵

50 Там же, 258

51 Там же, 202.

52 Новое время, 1 февраль 1923, 3.

53 Там же, 14 апреля 1923, 3.

54 А. В. Балашев, *На чужбине*, Антология поэзии русского Белграда, 17.

55 Новое время, 18 июля 1925, 4.

Высокое и героическое смешивалось в эмиграции со стремлением к уюту, занятиям любимым делом. Одни готовились спасти Россию, другие собирали марки: в Белграде действовало свое общество филателистов “Россика”.⁵⁶

Третьи жили “смеясь”. В этом смысле характерен журнал “Бух!!!”, на страницах которого появлялись и такие строки:

“Он темен, скрытен и лукав,
И молчалив как осетрина,
Но написал он много глав,
И что ни строчка – то картина.
Устало смотрит он на Вас,
И, наливая в рюмку водку,
Он томно щурит правый глаз,
А левым смотрит на селедку.
Он в юмористике шедевр,
Он пишет в “Бухе” – Н. М. Февр.
И чаще в Бух” бы сыпал соль,
Но, слишком много Тань и Оль...
А потому совсем не чудо,
Что и ему здесь жить не худо...”⁵⁷

...

Были и скандальные случаи. Д. В. Скрынченко в дневниковой записи от 5 мая 1921 г. отмечал: “Русские здесь скандалятся: офицер Шеншин, пьянствовавший в ресторане и не хотевший уходить оттуда после 1 часа ночи, несмотря на требование полицейского, ударил последнего по лицу. Последний побил Шеншина и посадил в кутузку, где Шеншин (Иван) просидел 3 дня”.⁵⁸ Может здесь речь идет о будущем художнике, получившем широкую известность в мире комикса?

Быт это не только жизнь, но и смерть. И если в Советской России люди гибли от голода, холода, в лагерях и тюрьмах, то в эмиграции – тоже сводили счеты с жизнью, не вынеся ее тягот в изгнании, вдали от семьи, от Родины. В изгнании для некоторых исчезал смысл бытия, а тогда зачем жизнь, этот “дар случайный”? Гусаковский Владимир Николаевич (1871–1923), генерал-лейтенант. Командир Апшеронского полка. Покончил с собой, вследствие материальных тягот и нравственных страданий.

56 J. Качаки, *Руске избеглице у Краљевини СХС/Југославији: библиографија радова 1920–1944*, Београд, 2003, 224.

57 *Бух!!!Bouh – revue satirique russe* (Белград) 11 (1932), 2–4; 12 (1932), 6–7.

58 Д. В. Скрынченко, *Указ соч.*, 41.

Один из русских, служивший в Аграрном банке, после просмотра фильма о Порт-Артуре, где в одном из кадров увидел своего отца, погибшего при защите крепости, покончил жизнь самоубийством.

Но таких, отчаянных и отчаявшихся, было немного...

Быт имеет привычку засасывать. Кто-то посещал театр, а кто-то пил горькую, тот что-то учил, а были и такие, которые занимались сочинительством на религиозную тематику. Разумеется, пальму первенства здесь держало духовенство – на первом месте был митрополит Антоний (Храповицкий). Однако и среди мирян были таланты. Так, А. Н. Матвеев получил премию в 2000 динаров за сочинение “О вере” в конкурсе, организованном Сербской Академией наук и искусств. Его труд в обязательном порядке печатался и раздавался народу бесплатно, рассылался в народные библиотеки и читальни.⁵⁹

В погоне за заработком, в борьбе за быт(ие) русские занялись неизвестным для сербов ремеслом: изготавливали абажуры из специальной разноцветной бумаги, делали игрушек и других предметов из дерева, украшенных народными узорами и окрашенных чаще всего в голубой и красный цвета (подносы, рамки, шкатулки, ножи для разрезания бумаги и пр.). Кроме тех, кто имел профессию – врач, инженер, адвокат, преподаватель, специалисты высшей квалификации, остальные жили на грани нищеты. Но ... держали свой статус, соблюдали свои обычаи: завтракали поздно, обедали в пять, пили вечерний чай, затем следовало вечернее чтение или собирались за карточным столом. Обязательно все эти графы, князья, бароны держали четвероногого любимца – собаку или кошку, с которыми делили свою скромную трапезу. На Рождество украшали елку, на которой обязательно висел подарок для каждого приглашенного гостя. Этот обычай украшения елок сербы приняли именно от русских эмигрантов.⁶⁰

Как тонко пишет сербская исследовательница М. Стойнич, русские жили с ощущением, что такая жизнь в бараках и на чердаках для них временная, чемоданная. “Пока”, до желанного возвращения на Родину, они стали главными частными учителями иностранных языков – английского, немецкого, французского. С языком у учеников воспитывали любовь к русской культуре, литературе, искусству. Эти часы протекали в “незабываемой атмосфере бедных комнат со скудной мебелью и обязательной лампой, яркий свет которой приглушала кашмирская, оренбургская или другая шаль, наброшенная на дешевый абажур”. От старых русских дам

59 *Новое время*, 16 марта 1929, 3.

60 М. Стојнић, *Руска емиграција међу нама*, Руси без Русије Српски Руси (альбум), Београд, 1994, 15–16.

многие не только научились иностранному языку, но и полюбили Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Надсона и др., “вобрали в себя Достоевского, Толстого, Тургенева”, а также “сплин непонятной русской дали, снежных пространств, одиноких берез, стоящих весной наполовину в воде”. Они “приучили нас любить и беречь животных, играть с ними так, чтобы им тоже было приятно, не мучить их, водить их гулять, разговаривать с ними”. “Мы кормили их отходами, а такая, как Мария Петровна Карпова, не тратилась на завтрак, чтобы купить соседским кошкам молока (своих не имела, все были ее). Со слезами на глазах умоляла какого-нибудь извозчика не бить еле держащую на ногах от усталости лошадь. И всегда в своей сумке, по обыкновению, полной книг, держала булочку, которой тайком угощала коня. Таким образом, мы, вместе с иностранными языками, русской литературой и русским чаем, поняли, что животные тоже имеют душу, мы научились понимать их настроение по глазам – большим и не очень, пегим, темным, зеленым, голубым. Они стали для нас друзьями, с которыми мы делили даже свои сладости, для которых мы собирали кости, а иногда тайком оставляли кусок мяса от своего обеда для того, чтобы накормить бродяжку пса. Матери нам иногда говорили, что нас эти русские женщины “портят”⁶¹. Однако “их “часы” были самыми дешевыми и самыми длинными, часто они или их мужи и сыновья помогали решать математические задачи, понять физику или химию, войти в тайны биологии. Одним словом, у них мы были как дома, под присмотром”. “Мы начали с пониманием и большим вниманием читать “Каштанку” Чехова, “Белого пуделя” Куприна, “Холстомера” Толстого, “Вешние воды” и “Асю” Тургенева, “Белые ночи” Достоевского”⁶¹.

Знакомство шло через соседство, дружбу на работе. В Сербии почти не было ни одной средней школы, где бы ни преподавал русский учитель. Как правило, они были хорошими педагогами, которых ученики любили и уважали.

Между беженцами были два типа интеллигентов.

Одни смирялись с катастрофой и искали объяснение в русской религиозной мысли, в философии Николая Федорова, Владимира Соловьева, в учении Федорова о “всеобщем воскресении”, в тезисе Соловьева, что Россия должна быть жертвой, чтобы примирить Восток и Запад, восточное и западное христианство, после чего наступит эра “Третьего Завета”, когда не будет войн.⁶²

Другие принадлежали к левой русской интеллигенции – эсерам, меньшевикам, анархистам. Облегчали свою жизнь, смеясь над собой, кри-

61 Там же, 17–19.

62 Там же, 20.

тическим отношением к дореволюционной России. Они стремились через Париж, Прагу, Хельсинки, Ригу, Берлин приобретать литературу о жизни в СССР, информировать сербов о Советской России. В основном, эта интеллигенция группировалась вокруг Земгора (представительство в Белграде находилось на ул. Кнеза Милоша, 45).

Пожалуй, добавлю здесь, что в Сербии можно было встретить “русских Хлестаковых”, “отягченных званиями, орденами и прочими отличиями”, да и смотрящих на сербов свысока. Иронично замечу, что к этому обязывало само звание “старшего брата”, бывало, по привычке “баловавшегося” кокаином и др. наркотиками, искавшего и находившего “уличной любви”.⁶³

Деньги, вернее, охота за ними, не исключала и вымогательства. Характерным примером может служить сюжет с посетившим в конце 1920-х гг. Белград Константином Бальмонтом. Под предлогом “избавления” от покушения на него монархическими кругами, некто Борис Флягин пытался получить некую сумму денежных знаков, но его “афера” была сорвана.⁶⁴

Тема борьбы с “большевизанами”, за Русь, царя самодержавного была едко обыграна в упоминавшемся журнале “Бух!!!”. Итак:

“Подводя итог титанической борьбе русской эмиграции с большевиками наш специальный сотрудник установил среднееколичествоактивной-работы исполняемой каждым рядовым беженцем в течение одного года...

1. Слова: “**Мы**”, “**борьба**” и “**Россия**” произнесены **1. 586.903** раза.

2. Песни: “**Мы смело двинемся вперед**” и “**Что нам горе**” пропеты **4.009** раз.

3. Выпито за: “**Единую Неделимую**” и за возвращение “**не позже, чем через полгода 15.000** литр.”⁶⁵

Дальше следовали уж совсем фантазийно-издевательские строки. Этот провокационный текст имел свою подоснову, учитывая само эмигрантское житье-бытье, тяготы которого, случалось часто, топили в алкоголе.

Появление “пьяного руса” было, по свидетельству одного из современников, типичным для мест, где селились русские беженцы.⁶⁶

Быт – это, прежде всего, жилье. Далекое не каждому была по карману отдельная квартира. Средний заработок составлял 900 динаров. В 1927 г.

63 *Beloemigracija u Jugoslaviji*, Arhiv Republike Slovenije (AS), 1931, Republiški sekretariat za notranje zadele, A.Š. 1053, 69.

64 Б. Чурич, *Указ. соч.*, 161.

65 *Бух!!! Bouh – revue satirique russe* (Белград) 15 (1933), 11.

66 См.: *Beloemigracija u Jugoslaviji*, 71.

50 динаров равны 1 доллару. Газета “Новое время” стоила полтора динара. Обед в “Русском ресторане” 18 динаров и 14 динаров. Абонемент на 15 обеденных талонов – 19,5 динаров.⁶⁷

Возвращаясь к квартирному вопросу, скажу, что многие снимали так называемые углы, жили по несколько человек в четвертушке или половине комнаты. Люди побогаче могли позволить себе меблированные комнаты. В Белграде таких общежитий гостиничного типа было несколько, например, “Семья”, “Общество взаимопомощи”, “Инвалидный очаг”, “Россия”.⁶⁸ С 15 декабря 1923 г. к услугам постояльцев открылись меблированные комнаты “Родина” с электричеством, паркетными полами, центральным отоплением, новой мебелью, сетчатыми и пружинными кроватями. Комнаты были разделены перегородками – у каждого свой отдельный угол. Утром и вечером – чай, кофе, какао, молоко, холодные закуски, пирожки. Все это стоило 15–20 динаров в сутки.⁶⁹ Для экономящих каждый динар Государственная комиссия открыла дом для приезжающих по 3–5 динаров за кровать в сутки.⁷⁰ Из дешевых, но уютных, общежитий можно назвать и “Русский Очаг”. Цены в нем были ниже прочих общежитий, а инвалидам предоставлялась особая скидка.⁷¹

Об условиях студенческого жилья может дать представление тот факт, что в общежитии на бульваре Короля Александра проживало 90 человек: половина разместилось в четырех его комнатах, вторая половина – в коридоре.⁷² Для справки – в Союзе русских студентов Белградского университета к весне 1922 г. было около 700 человек.⁷³

Свой быт и досуг можно было значительно улучшить тем, кому повезло вывезти – золото, бриллианты и пр. Такие люди были в эмиграции, для них росла сеть комиссионных магазинов, владельцы которых в большинстве своем тоже были из России. Итак, в Белграде “работали” следующие магазины: комиссионный И. П. Колченкова-Николаева, сербо-русский магазин Сретена Божиновича,⁷⁴ магазин Андрея И. Богданова, где, получив деньги за драгоценности, можно было купить “по дешевой

67 См.: *Новое время*, 24 август 1924, 4.

68 См.: *Там же*, 28 ноябрь 1924, 4.

69 См.: *Там же*, 19 декабрь 1923, 3.

70 См.: *Там же*, 9 ноябрь 1924, 4.

71 См.: J. Качаки, *Указ. соч.*, 223.

72 См.: *Новое время*, 11 август 1922, 3.

73 См.: *Новое время*, 11 мая 1921, 3.

74 См.: *Там же*, 14 мая 1921, 1.

цене чай, грибы, мыло, крестильные кресты, иконы, лампы и пр.”⁷⁵ (Какая странная и ужасная картина по своему несообразию! – В. К.), магазин М. М. Покровского по приему бриллиантов и пр.,⁷⁶ антикварный магазин Иосифа Линевича,⁷⁷ магазин товарищества “Посредник”⁷⁸, первый комиссионный магазин Русского общества взаимопомощи принимал на комиссию бриллианты, жемчуг, золото, серебро, разные драгоценности, старинные вещи, ковры, изделия русских беженцев, менял “русскую и иностранную валюту на самых выгодных условиях”.⁷⁹

Можно было “найти” денег в “своих” кассах взаимопомощи, в различных фондах. В 1923 г. одна из них была организована в Союзе русских инженеров в Королевстве СХС. Известно, что в 1929 г. можно было взять не более 1 500 динаров на три месяца, в виде исключения на шесть, с уплатой одного процента в месяц.⁸⁰ Но так как платили взносы своей “кормилице” нерегулярно, выдавали ссуды тем, у кого не имелось права на них, то в результате появились многолетние должники и т. д. Смута и беспорядок отличали это кредитное учреждение. Для того чтобы как-то обеспечить минимальную сумму в кассе в 1936 г. были организованы благотворительные вечера. В 1938 г. проведено два таких вечера с лотереями. Выручка в 2 600 динаров была сразу отдана займы наиболее нуждавшимся членам.⁸¹ Фактически, это кредитное учреждение лопнуло, как это случилось и в России с подобными “кассами”.

В этом же Союзе в 1925 г. возникла другая идея об учреждении фонда помощи в случае смерти своего члена. Предполагалось уплачивать 2 000 динаров помощи. В фонд записалось 40 человек, которые за несколько лет внесли всего 1 200 динаров. Вся эта сумма в 1928 г. была выплачена семье первого умершего, а сам фонд прекратил свою деятельность.⁸²

Совсем другая картина представляла, когда в сфере помощи участвовал западный капитал. Достаточно назвать действовавший в Королевстве с 1932 г. Русский трудовой христианский союз (РТХД) – православный вариант

75 См.: *Там же*, 16 декабря 1922, 3.

76 См.: *Там же*, 10 ноября 1923, 4.

77 См.: *Там же*, 29 марта 1921, 3.

78 См.: *Там же*, 23 апреля 1921, 1.

79 См.: *Там же*, 29 апреля 1921, 4.

80 См.: Т. Миленковић, *Указ. соч.*, 135.

81 См.: *Там же*, 139.

82 См.: *Там же*, 138.

профсоюза в странах Европы. Его члены могли пользоваться “кассой взаимопомощи, бесплатным лечением в Русской больнице в Панчево, в санатории Вурберг в Словении без ограничения времени лечения, правом проезда по железной дороге в полцены, правом на дома отдыха, на юридическую помощь и др. льготы”.⁸³ Взносы – 10 динаров в месяц и еще два динара, если хотели пользоваться дополнительными льготами. В Союз могли вступить и члены семьи при ежемесячном взносе в 3 динара. Была предусмотрена и страховка в случае потери кормильца. Взнос в 14 динаров уплачивался каждые три месяца. Страховая сумма составляла 2 000 динаров.⁸⁴

Бедняки, старики и старухи, бывало, с высокими титулами, бездомные могли надеяться только на благотворительную помощь.

Академик Сербской академии наук, лингвист И. Г. Грицкат-Радулович писала в своих живых воспоминаниях: “Сама я не забуду щемящего душу впечатления, которое произвела на меня жалкая конура княгини Шаховской. Мы с матерью побывали там однажды, потому что мать, прослышав о предельной нищете Шаховских, решила подыскать для княгини несколько уроков рояля. Про княгиню ходил слух, что она некогда была хорошей пианисткой. В этом ни на что не похожем жилище, куда входит нужно было через погреб с дровами, густо заснованный, черной паутиной, каким-то образом помещался рояль; под роялем были сложены старые журналы и ботинки втазу. В комнате воняло – это был какой-то особенный запах, напоминавший не то гречневую кашу, не то очень засаленные игральные карты, которые иногда именно так и пахнут. Повсюду лежало тряпье, из кресел лезли жесткие усы. Зашел разговор о деле, но княгиня вскоре перевела его на тему ожидах. Проклятые жида – они поработили нашу родину, они предали скипетр поруганию...”⁸⁵

Им собирали деньги на различных вечерах с лотереями, устраивали кружковый сбор. И здесь по традиции первенствовали женщины, среди которых не было жестокосердных. Из обществ можно назвать Мариинское сестричество, цель которого – помощь нуждающимся. Такая же задача стояла перед Национальным обществом русских женщин, руководимым Анной Николаевной Алексеевой (урожд. Пироцкая), вдовой основателя Добровольческой армии. Оно действовало с 1929 г., собирая по крохам средства, которые шли на помощь в первую очередь одиноким женщинам

83 См.: *Там же*, 139.

84 См.: *Там же*, 140.

85 *Из воспоминаний академика Сербской академии наук, лингвиста И. Г. Грицкат-Радулович «На зарубежной родине» (1929–1944)*, Москва – Сербия; Белград – Россия. Сборник документов и материалов, 205.

и детям. На свои считанные-пересчитанные деньги эти женщины отправляли некоторое количество детей в летние детские колонии, устраивали праздники.

Быт – это и привычная еда. И русские торговцы с выгодой для себя старались для москвичей, петербуржцев, жителей провинциальной России. Здесь можно было жить почти как в Петербурге или в Москве: ходить к русским продавцам на базар, покупать селедку у какого-нибудь “Петровича”, а гречку у “Петра Поликарпыча”. За русской колбаской можно было зайти в колбасную “Валентина”, а за парижскими окороками к Рождеству в русский гастрономический магазин “Югославия”.⁸⁶

В Белграде был даже свой союз русских торгово-промышленников (председатель совета В. Д. Ильин, председатель правления Г. Г. Миткевич и секретарь С. Я. Кривцов). Действовали на правах товарищества три русских банка: Кредитная Задруга с председателем проф. Я. М. Хлытчиевым, известным ученым и энергичным дельцом, Касса взаимопомощи при Всероссийском земском союзе (руководитель Г. П. Шпилевой) и Задруга чиновников (глава А. Ю. Вегнер).⁸⁷

В торговлю пускались многие, считая ее “легким и прибыльным” делом, позволяющим выйти из нужды: врач торговал фирменными мясными полуфабрикатами, архитектор продавал разные технические приспособления, университетский профессор разводил длинношерстных кроликов.⁸⁸ Но и здесь было не все так просто: в определенных ситуациях приходилось применять гибкость, пускаться на некие махинации, даже нарушать закон. В своем большинстве такие действия не носили криминального характера. Но бывали и злоупотребления, такие, как продажа отдельных участков земли, официально объявленных неделимыми, получение прибыли от торговли марками якобы для оказания помощи слепым девушкам. В то же время были и противоположные случаи, когда бухгалтер, от которого хозяин требовал подписать ложный финансовый баланс, пытался покончить жизнь самоубийством.⁸⁹

К февралю 1929 г. в столице Королевства насчитывалось 153 мелочные лавки, 70 молочных, 58 деликатесных, буфетов, колбасных, столовых, народных кухонь, магазинов винной торговли; 58 базаров, антикваров, разносчиков, 51 колониальная и бакалейная лавки, 15 комиссионных, 13 транспортных, 7 технических контор, 2 посреднические и рекламные кон-

86 См.: *Новое время*, 3 январь 1930, 4.

87 См.: Н. Рощин, *Указ. соч.*, 12.

88 См.: О. Латинчич, Б. Ракочевич, *Указ. соч.*, 629.

89 *Там же*, 629.

торы, 14 галантерей, 6 “агентурных” контор, 8 фирм по торговле автомобилями и прокатом, 4 предприятия занимались “спекулятивной” торговлей, столько же – мануфактурной, в 3 магазинах продавались мужское готовое платье и обувь, действовало 5 книжных и издательских предприятий, 2 магазина по продаже нот, музыкальных инструментов и пр., 2 посреднические конторы, занимавшиеся экспортно-импортными операциями, одно пароходное предприятие, одна фирма по торговле машинами, одна торговая цветочная фирма, 3 фирмы по торговле дровами и строительными материалами, одна меняльная лавка, одна фирма по торговле кожами. Всего 483 предприятия.⁹⁰ Русские мастерицы “задавали тон” и в сфере моды. Здесь можно назвать модисток Н. Нинчич-Лукасову (Лукашову?), Ксению Сципион де Кампо, Граевскую, Захваеву, Т. Андрееву, Головину и С. Сомову. В косметике главенствовали Лидия Ираклиди, Кукина и Хоровиц.⁹¹

Кроме “лавочников” были и дельцы, профессионалы в области торговли, обслуживания, строительства, в других сферах хозяйствования, пионеры в новых отраслях.

Пароходное дело. 16 сентября 1924 г. в Саву близ Чукарицы спущен на воду первый пароход, построенный в Сербии. Строитель – известный волжский промышленник и судовладелец Дмитрий Васильевич Сироткин, деятель старообрядчества (1864–1953). За год до этого он выстроил первое в Сербии моторное грузовое судно “Коста”. Длина нового парохода – 40 м, ширина – 5 м, 50 кают, 300 пассажиров. Теплоход назван “Воля”. Планировался на рейс Белград – Вена. Использовался на внутренних рейсах.⁹² Личность настолько примечательная, что необходимо уделить ей больше строк. Его пароходство “Волга” включало 15 пароходов, 49 барж. В его руках было и его детище – судостроительный завод “Нижегородский теплоход”, который работает и по сей день. Говоря кратко, он “держал в кулаке” Волжское судоходство и почти всю приволжскую финансовую систему. Он, как и все старообрядцы, много занимался благотворительностью. Максим Горький был его помощником в Комитете по народным столовым и чайным. Сама фигура Сироткина была им отражена в своем творчестве. Известные архитекторы – братья Веснины – проектировали для него ряд общественных зданий, храмов, богаделен. В 1913 г. был избран на четырехлетний срок городским головой Нижнего Новгорода. С радостью встретил известие о Февральской революции. Занимался политикой. Октябрьский переворот не принял. Спасаясь от предстоящего ареста и расстрела бежал из родного

90 См.: *Новое время*, 1 февраль 1929, 2.

91 См.: *Beloemigracija u Jugoslaviji*, 105.

92 См.: *Новое время*, 21 сентябрь 1924, 3.

города. Закончил “свой бег” в Белграде. Во время занятия Белграда частями Красной армии помогал им при переправе через Дунай. В 2011 г. в честь столетнего юбилея его судостроительного завода Сироткину был открыт памятник. Одно из судов, построенных в том же году, получило его имя.⁹³

Безошибочна была ставка на производство русской водки, любимого напитка соотечественников, не привыкших к ракии, отдающей “парфюмерией”. В 1923 г. Товарищество по производству водочных изделий “Орел” в Белграде выпустило в продажу: красную головку (цвет металлического колпачка), перцовую травник, лимонную, апельсиновую, белую головку двойной очистки, сухарную, хинную и английскую горькую.⁹⁴

Экспорт-импорт. Пожалуй, одним из воротил в этой сфере стал выпускник Московского университета, защитивший докторскую диссертацию по химии Виктор Васильевич Шипатовский (1878–1944). Примерный семьянин – жена Софья и дети Виктор и Наталия. С 1922 г. он был владельцем торгового агентства “Новву”. Его коммерческая деятельность заключалась в продвижении на рынок препарата для очистки металлических изделий, а также химпрепарата “Тепалина” для очистки накипи в паровых котлах, нагара в авиационных и автомобильных моторах. Параллельно Шипатовский представлял интересы нескольких английских текстильных фирм, в частности, Альфреда Мидвуда из Манчестера, а также производств по изготовлению корсетов. Понемногу приторговывал сукном, которое покупал в своих командировках в Великобританию. Его услугами представительского характера пользовались: немецкая из Лейпцига “Kluge&Porisch” (растительное масло, эссенция и химикаты), английская из Глазго “Hopkins&C.” (виски “Jim”), лондонская “Sir Robert Burnet”, французская “St. James” (рейнское шампанское и ром), парижская “A. F. Pears” (мыло и парфюмерия). Шампанское поставлял к королевскому двору, в отель “Палас”, ресторан “Русский царь”. Имел представительство по поставкам из Бордо консервов, фруктов, овощей, рыбы в основном для снабжения королевского двора. Вел дела по всей Югославии.⁹⁵ Это о нем в журнале “Бух!!!” (1932, № 11) писалось:

Без шляпы жил Роман Верховский,
Но в шляпе ходит Шипатовский.
Он без труда и без забот
Сумел устроить Оборот.
Он оборотистый был малый,

93 См.: А. Б. Арсеньев, М. Л. Ордовский-Танаевский, *Указ. соч.*, 512–513.

94 См.: *Новое время*, 29 сентября 1923, 4.

95 См.: О. Латинич, Б. Ракочевич, *Указ. соч.*, 631.

Таких немного есть, пожалуй.
 Он был в Париже баронетом,
 И был Мюнгаузенем при этом.
 Пока еще была Россия,
 Он был приятель папы Пия,
 Был в Австро-Венгрии кронпринцем,
 И жил у Габсбургов под Линцем,
 И был на ты он с Карлом Мором,
 С Рабиндранатом и Тагором;
 А с королевой Вильгельминой
 Он говорил с шутливой миной.
 Ему сам Блок писал сонеты,
 Он крестный папа Гарбо Греты
 И он в угоду этой даме
 Два дня сидел в воздушной яме!
 Он десять раз весь свет объездил,
 Он на медведе белом ездил
 На дирижабле и верблюде,
 Он был в Клондайке, Холивуде,
 Стокгольме, Чили, Тель-Авиве,
 Он поклонился Бrame, Шиве.
 И возле города Манилы
 Его раз съели крокодилы,
 А после дружеской беседы
 Им закусили людоеды.
 Волками сожранный в Канаде
 Воскрес на кладбище в Белграде,
 А из пустыни жаркой Гоби
 Он для продажи вывез Хобби
 И занесен в словарь Брокгауза...
 Он – доктор и гонорис кауза.

Среди торговцев из Москвы выделяется имя Пантелеймона Васильевича Заболотского (1887–1947). По прибытии в 1920 г. из России, где он был чиновником министерства торговли, сумел устроиться в кампанию “Russo-Serbe”, которая осуществляла экспортно-импортные операции, развивала торгово-промышленные отношения со славянскими странами.⁹⁶ В ноябре 1924 г. фирма прекратила свое существование, но по другим данным кам-

96 См.: Там же, 629.

пания была на белградском рынке до 1927 г. В качестве пайщиков упоминаются университетский профессор и удачливый делец Яков Хлытчичев, Валентин Гайдуков, Роберт Смит (англичанин), Михаил Белоусов из Парижа и Николай Залин из Берлина. В то же время Заболотский известен как один из основателей и председатель правления фирмы “Holz&Metalhandels Industry A. G.”. Вместе с Михаилом Фоминым был владельцем фирмы “GlobusHaus G. m. b. H”. С 1935 г. вел финансовые дела в основном с американской фирмой “Братья Селигман”. Через эту фирму был подключен к делам фирмы “Батиньоль”, занимавшейся подрядами на большие строительные работы (Земунский мост, дорога Печ – Приштина и др). Имел дела с организацией “Трепса Mains Ltd”, т. е. с рудниками в Боснии.⁹⁷ Его сын Борис (1909–?), по профессии инженер-электротехник, вел строительные дела и стоял с 1934 г. во главе строительной кампании “Стан” (Квартира), деятельность которой была короткой из-за недостатка средств.⁹⁸

Можно назвать еще одно имя – Анатолий Иванович Прицкер, инициатор издательства “Народна просвета” (“Народное просвещение”),⁹⁹ выросшего в одно из крупнейших предприятий в Югославии.

Основная масса русских, заинтересованных в торговле, устремлялась, прежде всего, в сферу обслуживания.

Открывались русские закусовые, молочные, кондитерские, служившие одновременно и чайными, ночные кафе, которых Белград раньше не имел: “Казбек”, “Сейм”, “Русская лира” и др. В Белграде появилось диковинное блюдо – блины, поедание которых принимало массовый характер на масляной неделе: встреча – понедельник, заигрыши – вторник, лакомка – среда, широкая – четверг, тещины вечерки – пятница, золовкины посиделки – суббота, прощание, целовник, прощенный день – воскресенье. Масленица – один из любимых русским народом праздников: она и “масленица объедаха, деньгам приберуха, тридцати братьям сестра, сорока бабушкам внучка, трехматерина дочка”.

И конечно, важное место отводилось традиционной рекламе. Я позволю себе привести здесь ее достойный образец, помещенный в “Новом времени”.

97 См.: Там же, 630.

98 См.: Там же, 631.

99 См.: А. Арсењев, *Показаћемо да и овде, далеко иза граница отаџбине, живи моћ стварања... Руски уметници у Краљевини Југославији*, Зборник Матице Српске за сценске уметности и музику 15 (1994), 197.

К блинам

Всегда на масляной неделе
 Блины на родине мы ели
 Обычай наш уже такой
 И, надо думать, недурной,
 Но без закусок и вина
 Не съешь, пожалуй, и блина!
 Но где же русскую взять водку,
 Достать шотландскую селедку.
 Купить омаров и сардин, –
 Как не на Косовской, 1?!

Чего там, право, только нету, –
 Не перечислить и поэту!
 Икра нежнейшая донская,
 К тому ж совсем не дорогая,
 Копчущки, кильки... а балык;
 Проглотишь собственный язык!
 Грибы, консервы и соленья,
 А шпроты всем на удивленье!
 Но нет! Всего не перечесть,
 Что в магазине этом есть!
 Пускай любитель гастроном
 Сам убедится лично в том!
 А я скажу вам только то,
 Что говорил уже давно:
 Кто знает Д р о б о т о в а, – те
 Должны поверить свято мне,
 Что самый лучший магазин –
 Ей-ей на К о с о в с к о й, 1.¹⁰⁰

В старой Скадарлии (район увеселительных и питейных заведений) орала русская песня. В белградском журнале “Русский голос” в 1931 г. писали, “Вакханалии увеселений и танцев превзошли всякую меру пристойности”.¹⁰¹

100 *Новое время*, 23 февраль 1930, 3.

101 *Beloemigracija u Jugoslaviji*, 71.

Борщ, русские каши, пирожки, блюда с грибами, селедка и другие, “неизвестные” рыбы появились в ресторанах, а потом и на сербских домашних столах. Чай, который в Королевстве пили только больные, стал почти равноправным с кофе, с которого начинается день на Балканах.¹⁰²

Русский Белград был славен и числом своих организаций. Можно назвать сформированное к концу 1931 г. Собрание инженеров-путейцев, выпускников Института инженеров путей сообщения императора Александра I в Санкт-Петербурге. Цель традиционная – “взаимная помощь и поддержка”.¹⁰³ Возглавляли Собрание профессор Александр Андреевич Брандт (1855–1932) до своей кончины, потом Илья Игнатьевич Харитонович (1878–1941), один из старейших инженеров.¹⁰⁴ В конце 1931 г. был напечатан список выпускников, которые жили за границей. Он содержит имена 133 инженеров (27 проживали в Белграде) и далеко не полон.¹⁰⁵

Организации росли как грибы после дождя, и количество “вождей”, как шутили в Белграде, превышало численность русских в столице Королевства. Когда сформировался Русский трудовой христианский союз, то его, смеясь, называли “сто первой организацией”.¹⁰⁶ И каждая из них старалась организовать “вечера” для своих членов. Выбор, куда пойти, был велик. Веселья “лилось” через край, особенно с помощью алкоголя.

В свободное время можно было и почитать книжку. Кому-то она позволяла окунуться в мир любви, другому – напоминала о величии России, неразменной и неуничтожимой, третьему давала возможность позлоствовать на тему о виновниках крушения Российской империи. Каждая книжка имела свою “толпу героев” – классических и не очень. И читатель выбирал свою “толпу”. Одному нравился Достоевский, иному Поль де Кок, а совсем “ушедшему из времени” – Плутарх. И конечно, не каждый имел у себя дома библиотеку. Но были хорошие книжные собрания, в “неизвестность” везли не только бриллианты, но и книги. Например, в квартире директора русско-сербской гимназии, человека с трудной судьбой, Ивана Михайловича Малинина теснилось на полках свыше трехсот книг дореволюционных и эмигрантских изданий.¹⁰⁷

102 См.: М. Стојнић, *Указ. соч.*, 14–15.

103 См.: Т. Миленковић, *Указ. соч.*, 52.

104 См.: *Там же*, 55.

105 См.: *Там же*.

106 См.: В. Васильева, *Указ. соч.*, 88.

107 См.: А. Б. Арсеньев, *Люди и книги: семья Малининых и их библиотека*, Русское зарубежье и славянский мир. Сборник трудов, Белград, 2013, 217.

Но большинство русского люда бежало “налегке”.

О таких “бедолагах” заботились и книжные торговцы, и различные организации. К 1921 г. в Белграде были известны такие книжные магазины, как “Русская мысль” с рассылкой газет и книг, Всеславянский книжный магазин, розничный магазин Русского товарищества книжной торговли под фирмой “Славянская взаимность”. Для завсегдатаев ресторана Завалишина в Белграде в 1922 г. был открыт киоск, где можно было после обильной еды купить для “умствования” книги и газеты. Там имелась и библиотека, принадлежавшая издательству бр. Грузинцевых.¹⁰⁸

В феврале 1922 г. Общество по распространению русской национальной и патриотической литературы открыло при материальной поддержке Белградской колонии бесплатную библиотеку новейших книги изданий. Помещалась она в канцелярии колонии.¹⁰⁹ Книжный фонд Белградской библиотеки Всероссийского союза городов к 1922 г. превышал две тысячи книг на русском и иностранных языках.¹¹⁰

Религиозная литература была широко представлена в библиотеке при просветительном отделе Общества попечения о духовных нуждах русских в Королевстве СХС.¹¹¹

Конечно, Белград был центром различных военных союзов, объединений, обществ и, разумеется, Русская военная библиотека была одной из самых больших. С 10 августа 1921 г. по 10 августа 1922 г. в ней насчитывалось 3 350 библиотечных книги. Получали 67 газет и журналов из Франции, Чехословакии, Германии, Болгарии, Бизерты. За год библиотекой пользовались 2 500 человек. Брали на дом 1129 человек. Ее специалисты оказывали военно-научную помощь, собирали литературу по “минувшей войне и текущей Смуте”. Плата за пользование была символической: на дом – 5 динаров в месяц, в библиотеке – 50 пар в день.¹¹²

Имелась и техническая библиотека при Союзе инженеров в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.¹¹³ Она была открыта в октябре 1922 г. Однако богатой библиотеки не получилось: не было достаточно денег для их закупки. В 1925 г. она имела всего 66 книг. В 1929 г. была передана в

108 См.: *Новое время*, 1 январь 1922, 3.

109 См.: *Там же*, 24 февраль 1922, 3.

110 См.: *Там же*, 6 июля 1922, 4.

111 См.: *Там же*, 3 октябрь 1922, 3.

112 См.: *Там же*, 1 октябрь 1922, 4.

113 См.: *Там же*, 17 октябрь 1922, 3.

Русскую публичную библиотеку в Белграде.¹¹⁴ Но довольно быстро русские инженеры переменили решение и вернули книги “под свое крыло”, решив быть “хозяевами” своих книг, а не “просителями”. Лишь после постройки Русского дома (1933 г.) библиотека – уже окончательно – переехала туда.¹¹⁵

В его стенах размещалась и великолепная Русская библиотека с изумительной коллекцией дореволюционной литературы и ценнейшим собранием книг, изданных во всех странах русского рассеяния. Не забывать Россию, помнить ее, гордиться ее историей, литературой помогали эти книги.

После Тургеневской библиотеки в Париже, основанной задолго до революции и снабжавшейся книгами за счет правительства, Белградская считалась самой ценной в русском зарубежье.

Более того, в моем разговоре с Н. И. Толстым, он упомянул, что в библиотеке получали советскую прессу, которую будущий академик РАН сам читал.

К концу войны библиотека насчитывала более 130 тысяч названий, без дубликатов.¹¹⁶

Почти весь фонд библиотеки “исчез” в 1944–1949 гг.: одни книги были – к счастью – растащены, другим повезло меньше – сданы в макулатуру, сгорели вместе с комплектами газет и журналов в топке котельной Дома во время холодов.

О тогдашнем состоянии Русского дома дают представление строки из письма настоятеля русской церкви о. Иоанна Сокаля: “Особо спешным является вопрос о русском доме в Белграде и др. зданиях, находящихся на той же территории бывшего Русского Посольства. Начиная с 17 ноября 1944 года все эти помещения стоят закрытыми без всякого надзора и заботы о них. Закрыты были они внезапно; вследствие этого поправки повреждений, полученных во время уличных боев, не были проведены, и здания эти остались незащищенными против зимних непогод. Многократные обращения к сербским властям и различным общественным организациям остались пока безуспешными. Не застекленные окна не предохраняют их от холода, снега и дождей, подземные воды заливают подвальные помещения; водопроводные трубы лопнули с первыми морозами <...> В таком печальном состоянии находится сейчас Русский дом <...> Она (библиотека. – В. К.) и теперь, после того как из нее было увезено некоторое количество

114 См.: Т. Миленковић, *Указ. соч.*, 133.

115 См.: *Там же*, 134.

116 См.: А. Б. Арсеньев, *Люди и книги: семья Малининых и их библиотека*, 219.

книг советскими военными властями, находится в состоянии большого беспорядка”.¹¹⁷

Надо добавить: тогдашний директор библиотеки И. М. Малинин, по семейному свидетельству, “спас” часть библиотечного фонда из Русского дома, подвергнувшегося расхищению и уничтожению, после освобождения Белграда, в октябре 1944 г.”¹¹⁸

И еще одно свидетельство. В 1941 г. сжигали книги и “свои”, например, “Иисус неизвестный” Дмитрия Мережковского, “Русский поп 17 века” Валентина Амфитеатрова, учебник по истории Льва Сухотина (3 части), “Синяя книга” Зинаиды Гиппиус, “Из далека” Александра Керенского.¹¹⁹ Под угрозой аутодафе было и “Воскресение” Льва Толстого: фашисты не дали.¹²⁰ Очень странное сочетание книг и “спасителей”!

“После занятия Белграда сербскими войсками (партизанами) в октябре 1944 г., библиотека, – писал сотрудник библиотеки Д. А. Асеев, – некоторое время выдавала книги; но это продолжалось недолго. Вскоре она была объявлена собственностью СССР и выдавать из нее книги читателям запретили; персонал разогнали. Фактически, библиотека сделалась военной добычей: двери ее не запирались, у входа лишь стоял югославский партизан с винтовкой, который не пропускал туда штатских; но советские военные входили совершенно свободно, входили толпами. И офицеры, и солдаты брали книги “для чтения” и, конечно, их не возвращали. <...> Однако, вскоре начальство спохватилось и, опасаясь отравления советских войск эмигрантским идеологическим ядом, наглухо закрыло двери библиотеки”.¹²¹

В 1946 г. она все же открыла свои двери для жителей Белграда, но мало кто из эмигрантов отваживался ее посещать. Советские библиотекари “для чтения выделили лишь несколько тысяч книг – исключительно советских изданий, преимущественно пропагандистского характера, и немного иностранных классиков в дореволюционных изданиях. Остальные книги лежали под замком и ждали комиссию из Москвы”.¹²²

Несколько тысяч книг “невинного характера” было подарено Обществу дружбы Югославия – СССР. Дружба была короткой, и в 1949 г. после

117 Государственный архив Российской Федерации (=ГАРФ), Ф. 6991, Д. 129, Л. 270 (июнь 1946).

118 А. Б. Арсеньев, *Люди и книги: семья Малининых и их библиотека*, 218.

119 См.: Вл. Маевский, *Из недавнего прошлого*, Новое русское слово (Нью-Йорк), 25. октябрь 1956.

120 См.: А. Б. Арсеньев, *Люди и книги: семья Малининых и их библиотека*, 219.

121 Цит. по: *Там же*, 220.

122 *Там же*.

ликвидации Общества книги были переданы белградской библиотеке, где помещены на долгие годы в запасники, в 1960-е годы были использованы как макулатура.¹²³ Лишь ее жалкие остатки, запрятанные в подвале Дома, в 1980-х годах попали в Москву, в Ленинку и в Историчку. Одно могу добавить: многие книги были растащены или спасены любителями книги, сотрудниками различных советских организаций, знавших “секретный подвал”. Они мне потом попадались в московских букинистических магазинах.

Естественно, не для всех книга была “местом отдыха”. Если “старики” после работы спешили к семьям, сидели в кафанах и ресторанах за рюмкой “своей” водки, напоминавшей им о Родине, ходили по театрам и клубам и пр., то у молодежи были свои развлечения, не требующие особых расходов: прежде всего это танцы, кино, участие в любительских спектаклях. Летом добавлялись сезонные развлечения. Кто не мог выехать на природу, отправлялись по утрам на “Русские пляжи”. Самыми известными слыли купальни на Саве – “Ла Манш”, “Дубровник” и даже страшная по своему наименованию “Сибирь”. Там не только жарили свои тела под палящим солнцем и пили разбавленное водой вино или пиво, для охлаждения “органона”, но и, следуя с охотой западной моде, выбирали “мисс” своего пляжа. В 1930 г. в “Ла Манше” первой была Ольга Ильяшевич, в “Сибири” – Надежда Бородина, в купальне “Дубровник” – ученица 8 класса Наташа Турбина,¹²⁴ занимавшаяся в частной балетной школе у Елены Дмитриевны Поляковой.¹²⁵

Для молодежи, пробующей и ищущей себя в литературе, местом встреч были своеобразные литературные собрания. Здесь можно назвать общество “Новый Арзамас”, куда входили Александр Неймирок, Юрий Герцог, Николай Бабкин, Михаил Духовской, Нина Гриневиц, Игорь Гребенщиков.

Одна из его участниц, Лидия Алексеева, вспоминала о том чудесном времени: “Заседания наши проходили экзотически – например, сидели на полу на подушках, ели халву, запивая красным вином, и читали стихи, свои и чужие – предпочтительно Гумилева. Иногда заседания проводились в парке за городом. Было всегда очень весело и беззаботно, ведь было нам всем чуть меньше или чуть больше 20 лет”.¹²⁶

Тогда же, в 1920-х годы действовал “Книжный кружок”, устраивавший, случалось, свои и совместные с музыкальным кружком имени Николая Андреевича Римского-Корсакова вечера. Его участниками 24 мая 1927 г. объявлялись Е. Таубер, А. Храповицкая, В. Бельский, Вс. Григорович, Евг.

123 См.: J. Качаки, *Указ. соч.*, 50.

124 См.: *Царский вестник*, 30 августа 1930, 6.

125 См.: А. Б. Арсеньев, М. Л. Ордовский-Танаевский, *Указ. соч.*, 286.

126 Л. Алексеева, *Из воспоминаний о Белграде*, Русский Альманах, Париж 1981, 307.

Кискевич, Ал. Лебедев, Л Машковский, Ю. Сопоцько. Программа традиционна: произведения членов музыкального кружка, романсы на текст участников “Книжного кружка”, чтение стихов и прозы авторов.¹²⁷

К лету 1928 г. “Книжный кружок” был переименован в Кружок поэтов имени Михаила Юрьевича Лермонтова. “Лермонтоеды” неперIODически устраивали вечера-субботники с чтением стихов.

Конечно, было бы несправедливо утверждать, что “стариков” не интересовали литература и русский язык. Здесь можно назвать удивительный Союз ревнителей чистоты русского языка, основанный в 1928 г. Евгением Александровичем Елачичем.

Л. Алексеева вспоминала: “Кружок был полугимназического типа, немного скучноватый, но очень добродетельный. Устраивались чтения, составлялась библиотека газетных вырезок, читались лекции, и мы ядовито ловили друг друга на употреблении ненужных иностранных слов и неправильных оборотов. Евгений Александрович был высок, худ, педантичен, вегетарианец, и держал нас всех в повиновении”.¹²⁸ Действительно, скучно... Но картина совершенно другая, если прочтешь изданную в 1937 г. памятку Союза, в котором к 1937 г. насчитывалось 110 “ревнителей”.¹²⁹

В своем воззвании правление Союза писало: “Русский язык находится в опасности. Берегите его. Мы все должны немедленно принять ряд мер к сохранению его чистоты.

Уже более пятнадцати лет несколько миллионов русских вынуждены жить вне своей Родины рассеянными между разными принявшими их народами. За истекшие годы выросло целое поколение русских детей, родившихся на чужбине и ставших маленькими людьми среди народов, не говорящих по-русски. Местный государственный язык все русские, и большие и малые, должны знать хорошо; это язык постоянных служебных деловых общений, и для многих детей даже и язык школьного образования. И не удивительно, если постоянное вынужденное пользование данным местным языком с течением времени становится привычкой настолько, что многие взрослые начинают отвыкать от своего родного языка, ошибаются в русских словах и оборотах, вставляют в русскую речь множество иностранных слов, даже не всегда замечая это”.¹³⁰ Так что не все так было “замшело” у “стариков”.

127 См.: *Новое время*, 24 мая 1927, 3.

128 Л. Алексеева, *Указ. соч.*, 307.

129 См.: *В защиту русского языка. Памятка Союза ревнителей чистоты русского языка*, Белград, 1937, 41.

130 *В защиту русского языка*, 36–37.

К литературному обществу можно причислить, нестрого говоря, такую профессиональную организацию, как Союз русских писателей и журналистов в Югославии. "Самой колоритной фигурой был, – по словам Л. Алексеевой, – Петр Бернгардович Струве, с его пышной седой бородой, будто бы окунувшийся в нее и дремлющий в кресле с полузакрытыми глазами, но не пропускающий ни слова из того, что говорится или читается, и производящий затем логический разгром бедного оратора. Бывал на собраниях и В. В. Шульгин. Помню один случай, когда при нем Голенищев-Кутузов прочел сильно просоветские стихи – и В. В. вскочил, весь красный, что-то нелестное крикнул Гол.-Кутузову и выбежал, хлопнув дверью. Был в Союзе и Евгений Михайлович Кискевич (1888–1945), горбатый поэт, всей душой преданный литературе".¹³¹

Владимир Львович Гальской посвятил ему такие стихи:

Он с хозяином был странно сходен;
Холоден, нескладен и высок.
Для обычной жизни непригоден,
Невеселый этот чердачок!

Виршей свежесвыпущенных стопки,
Бюст, покорно ставший в уголок.
В тщательно заклеенной коробке
Порыжелый венский котелок.

Бедность здесь была уже не гостья,
Прочно полюбивши этот дом,
Чопорный, весь черный, с вечной тростью,
Он доволен был своим жильем.

По дрожащим деревянным сходим
Вечерами брел на свой чердак,
Труд нелепый кончив на сегодня,
Литератор, критик и чудаки.

Чтобы здесь в глухом уединеньи
Он. Горбатый мистик и поэт,
Претворил неясные виденья
В тщательно отточенный сонет.¹³²

131 Л. Алексеева, *Указ. соч.*, 307.

132 В. Л. Гальской, *Он с хозяином был странно сходен*, Антология поэзии русского Белграда, 44.

*

Конечно, Белград это не вавилонский Харбин, где было больше праздников, чем рабочих дней. Но дело не в количестве, а в традиции, а она блюлась ревностно русскими людьми, любившими “гульнуть” широко, с размахом. В “Новом времени” можно было прочесть такую рекламу: “Зал “Академии Наук” в Белграде. Белградское русское Художественно-Драматическое общество. 19 января 1929 г. БАЛ-МАСКАРАД под названием НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО В ДИКАНЬКЕ по сюжету и тексту Н. Гоголя, в переработке и постановке известного Американского режиссера В. ЯЦЫНА, прибывшего в Белград из Голливуда за баснословный гонорар, гарантированный Драматическим Обществом из Займа Земского Союза. В фильме принимают участие маститые и фотогеничные Члены Б. Р. Х. Д. Общества и Украинского Общества “Просвита”... Колядки и песни в исполнении хора “Просвиты” под управлением Г. Красуцкого. Невиданный трюк: полет к куполу Академии – Солохи и черта на аппарате системы Русского механика самоучки. Кража месяца чертом. Влюбленные, пользуйтесь наступившей темнотой. Мужья, бдите! Катанье на салазках. Игра в снежки. Замороженная клюква. Общий гопак при участии всей публики.

БИБЛИОГРАФИЯ

Неопубликованные источники

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

1. Российская миссия в Белграде

Arhiv Republike Slovenije (AS)

1. Republiški sekretariat za notranje zadele

Библиотека-фонд *Русское зарубежье*

1. Научный архив

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Ф. 6991

Опубликованные источники

1. Л. Алексеева, *Из воспоминаний о Белграде*, Русский Альманах (Париж), 1981, 307.
2. З. Гиппиус, *Публицистика, критика, статьи. Письмо о Югославии*, <https://gippius.com/doc/articles/pismo-o-jugoslavii.html>

3. Б. Зайцев, *Письма. Статьи. Воспоминания современников*, Москва, 2001.
4. *Москва – Сербия; Белград – Россия. Сборник документов и материалов, Том 4, Русско-сербские отношения 1917–1945 гг.* Авт.-сост.: А. Тимофеев, Г. Мило-радович, А. М. Силкин, Белград, 2017.
5. А. Ренников, *Первые годы в эмиграции*, Возрождение (Париж) 64 (1957), 85–86.
6. Д. В. Скрынченко, *Обрывки из моего дневника*, Москва, 2012.
7. *Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. Сборник документов, Кн. 1. 1934–1937*, Москва, 1998.

Периодика

1. *Бух!!!Vouh – revue satirique russe* (Белград)
2. *Вестник правления общества галлиполийцев* (Белград)
3. *Иллюстрированная Россия*
4. *Новое время*
5. *Россия и славянство*
6. *Русское дело* (Белград)
7. *Царский вестник* (Белград)

Литература

1. *Антология поэзии русского Белграда*, сост. О. Джурич, Белград, 2002.
2. А. Арсеньев, *Показаћемо да и овде, далеко иза граница отаџбине, живи моћ ст-варања... Руски уметници у Краљевини Југославији*, Зборник Матице Српске за сценске уметности и музику 15 (1994), 191–209.
3. А. Б. Арсеньев, *Люди и книги: семья Малининых и их библиотека*, Русское за-рубежье и славянский мир. Сборник трудов, Белград, 2013, 206–223.
4. А. Б. Арсеньев, М. Л. Ордовский-Танаевский, *Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944)*, Кн. 2, Белград, 2018.
5. *В защиту русского языка. Памятка Союза ревнителёв чистоты русского языка*, Белград, 1937.
6. М. Живановић, *И крст и петокрака. Руски гробни комплекси у Југославији у 20. веку*, Београд, 2020.
7. Ј. Качаки, *Руске избеглице у Краљевини СХС/Југославији: библиографија радова 1920–1944*, Београд, 2003.
8. О. Латинчич, Б. Ракочевич, *Эмигранты-москвичи в Белграде*, Московский ар-хив, Вторая половина XIX – начало XX в. (2000), 629–640.
9. Вл. Маевский, *Из недавнего прошлого*, Новое русское слово (Нью-Йорк), 25. ок-тябрь 1956.
10. Вл. Маевский, *Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии*, Нью-Йорк, 1966.
11. Т. Миленковић, *Руски инжењери у Југославији 1919–1941*, Београд, 1997.

12. Г. Н. Пио-Ульский, *Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов*, Белград, 1939.
13. Н. Рыбинский, *Белград*, Иллюстрированная Россия, 9 апреля 1932, 14.
14. Н. Роцин, *Русские в Югославии. По чужим краям*, Иллюстрированная Россия, 9. апреля 1932, 12.
15. А. А. Солонский, *Демография русской эмиграции в Белграде*, Записки РНИ 10 (1935), 43–60.
16. М. Стојнић, *Руска емиграција међу нама*, Руси без Русије – српски Руси (албум), Београд, 1994, 9–24.
17. Б. Чурич, *Из жизни русского Белграда*, Белград, 2015.

„РУСКИ“ БЕОГРАД – НЕКЕ УСПОМЕНЕ РУСКЕ ЕМИГРАЦИЈЕ

Резиме:

Београд је био својеврсно језгро руске емиграције после револуције 1917. године. Руси су се трудили да живе на стари, традиционалан начин, односно настојали су да „изграде“ свој Санкт Петербург или Москву, свој руски кутак. О томе јасно сведоче догађаји везани за свакодневни живот или једноставно речено, живот у туђини. То се осећало у тужним песмама које су емигранти певали о губитку своје отаџбине, што је заправо био прави израз њихове меланхолије. Ипак, схватили су да је Русија далеко, али да се мора живети; забава и смех су им омогућавали да забораве на недаће које су их мориле. Иако Београд није био Париз у који је појурио „крем“ уметничког и културног света, ипак треба рећи, да су овде, далеко од светске престонице културе, живели изузетни уметници и културни делатници, прави мајстори свог заната. Сликали су иконе, украшавали дворске просторије, радили у позоришту, учили децу да цртају, држали радионице. Аутор је настојао да прикаже живот руских изгнаника у престоници Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца/Југославији. Рад је прожет стиховима песама које читаоцу омогућавају да осети расположење руских емиграната у Београду, који никада нису заборавили свој завичај.